

Глава 22. Пари

Танси Юйфэн выглядел так, точно обрел надежду на спасение в самом сердце бездны. Его лицо, перепачканное кровью, на мгновение просветлело; грудь судорожно вздымалась. Не успев отдышаться, он поспешно, захлебываясь словами, проговорил:

— Он всё еще там, снаружи... Скорее, ты должен... Кха! Кха-кха-кха!..

Его речь оборвалась приступом тяжелого кашля, и на золото выплеснулись сгустки крови.

Некогда благородное лицо теперь было обезображено грязью — зрелище поистине жалкое.

Линь Му медленно убрал меч в ножны и, не спеша ступая по россыпям золота, подошел к раненому. Юноша присел перед ним на корточки.

Танси Юйфэн попытался схватить его за руку, но пальцы лишь беспомощно полоснули по воздуху.

Заклинатель замер в оцепенении, подняв голову. Линь Му смотрел на него и улыбался. Это не была его обычная, едва заметная улыбка. Юноша улыбался ярко, ослепительно, точно дикий горный цветок, внезапно распутившийся среди скал.

Эта красота была неопишуемой и пугающей.

Танси Юйфэн хранил в глубине сердца сокровенные, тайные чувства, и в его глазах невольно отразилось восхищение. Но в ту же секунду душу мужчины обожгла необъяснимая тревога.

Улыбка Сяо Сюня... Она не была похожа на радость от встречи. Казалось, юноша смотрел на его раны... и это зрелище доставляло ему подлинное удовольствие.

«Но разве это возможно?»

— Сяо Сюнь? — пробормотал он.

Глаза Линь Му сощурились в улыбке, и он беззаботно ответил:

— И не подумаю.

— Что?

— Я сказал, что не стану его спасать.

Лицо Танси Юйфэна исказилось от непонимания:

— Почему? — Он на мгновение задумался и осторожно добавил: — Это из-за того, что мы с ним слишком близки? Тебе... тебе это неприятно?

В душе шисюна смешались радость и горечь. Радость — от мысли, что Сяо Сюнь ревнует его, и горечь — оттого, что он всегда считал Чжияня младшим братом, а тот явно недолголюбивал Сяо Сюня. И теперь Сяо Сюнь отвечает тем же... Как же ему примирить этих двоих?

— Шисюн, ты слишком высокого о себе мнения, — Линь Му, мгновенно разгадав его мысли, с улыбкой покачал головой. — Ты снова не угадал.

Юноша мысленно обратился к Старшему.

«Старший, есть ли способ вложить часть моих воспоминаний в чужую голову?»

«Есть, — отозвался Гу Суйчжи. — Но зачем тебе это?»

«Можете научить меня? Я хочу преподнести ему подарок.»

Гу Суйчжи на мгновение заколебался. Ему казалось, что состояние Линь Му сейчас было каким-то странным, совершенно не соответствующим его обычному характеру. Взять хотя бы эту улыбку... Достопочтенный никогда не видел, чтобы юноша так улыбался.

Впрочем, подобное случалось и раньше. Эти пугающие проблески в поведении Линь Му проскальзывали, когда он убивал Мо Чжияня в прошлой жизни, в момент перерождения и даже когда пробивался к стадии Золотого ядра. Просто в обычное время он мастерски скрывал эту тьму, и никто не обращал на неё внимания.

Но стоило Танси Юйфэну рухнуть перед ним, как в сознании Линь Му невольно всплыли ошметки горьких воспоминаний. Разница была лишь в том, что в тот раз на окровавленном полу лежал он сам.

Тогда Танси Юйфэн стоял перед Мо Чжиянем, закрывая его собой. Он сжимал меч, направив острие на Линь Му.

Это была поза защитника.

Взгляд старшего ученика был полон разочарования и боли; он гневно вопрошал:

— Как ты мог поднять руку на своего соученика из-за какой-то мелкой ссоры?! Если бы я не проходил мимо, Чжиянь бы погиб от твоего меча!

— Неужели твоя зависть и ненависть к нему не знают границ?!

Линь Му тогда лишь отер кровь с губ и поднялся на ноги. Его плечо было пробито насквозь, кровь заливала одежды, но он сохранял ледяное спокойствие, пытаясь объяснить всё во второй раз:

— Я видел, как он подсыпал яд в питьё моей матери. Поэтому я напал на него.

Разве Танси Юйфэн мог ему поверить?

— Зачем ты сочиняешь эти нелепицы? Я и Чжиянь выросли вместе. Неужели я не знаю, что он за человек?

Линь Му замолчал. Последующие слова он уже не слушал — в них не было смысла.

В памяти осталось лишь то, что случилось много позже. Когда его, загнанного и умирающего, преследовали со всех сторон, а злоба в его сердце разрослась настолько, что он перестал щадить своих врагов.

Когда число павших от его руки стало расти, Танси Юйфэн, устраивая пышное празднование дня рождения Мо Чжияня в безмятежном Дивном крае Хуами, печально вздыхал перед гостями:

— Он совершал ошибку за ошибкой, и я больше не в силах его защищать.

Гу Суйчжи передал в его сознание схему заклинания.

«Это запретная техника. Не пользуйся ею без нужды. Для лучшего эффекта стоит рисовать её кровью... Только не своей. У него ведь как раз оторвана рука? Сцеди немного, делов-то.»

Линь Му замер на мгновение, затем коснулся пальцами раны Танси Юйфэна и начал выводить на его теле алые, пылающие символы.

Раненый, не дождавшись ответа и видя, как юноша чертит на нем странные знаки его же кровью, хотел было возмутиться, но внезапно встретился с ним взглядом.

Глаза Линь Му изменились до неузнаваемости. Белки стали абсолютно черными, а зрачки вспыхнули зловещим алым светом. Эта кровь — густая, вязкая и темная — словно медленно закипала в самой глубине его глаз, нить за нитью захватывая взор.

Черные пряди волос обрамляли мертвенно-бледное лицо. Тонкие губы отливали багрянцем, точно он только что испил живой крови. Облик юноши стал неземным, пугающим и демонически прекрасным.

Это были явные признаки... падения во тьму.

Танси Юйфэн в ужасе выдохнул:

— Когда ты успел...

Договорить он не успел. В глазах мелькнула тень, и плечо пронзила невыносимая боль.

Юйфэн издал глухой стон. Линь Му, не моргнув и глазом, пригвоздил его к земле длинным мечом, пробив плечо насквозь. Удерживая рукоять одной рукой, он произнес тихим, ласковым голосом:

— Не шуми.

Он слегка наклонил голову, и длинные волосы шелковым водопадом соскользнули на грудь.

— С тобой слишком утомительно разговаривать. Давай сэкономим время и силы друг друга, договорились?

Запретная техника, которой обучил его Гу Суйчжи, не была сложной. Линь Му и раньше имел дело с подобными материями, поэтому рука его двигалась уверенно и четко. Вскоре ритуал был завершен.

Юноша небрежно отер пальцы и прижал еще влажную от крови ладонь прямо к центру лба Танси Юйфэна.

Тот попытался отпрянуть, но был совершенно не в силах пошевелиться.

Бесчисленные обрывки чужих воспоминаний мощным потоком ворвались в его разум. Мужчине показалось, что ему на голову обрушился многотонный валун; мозг буквально раскалывался от боли. Мука была настолько глубокой, что он начал биться затылком о землю, тщетно пытаясь унять это безумие.

Глядя на его мучения, Гу Суйчжи не совсем понимал мотивы юноши.

«Зачем Линь Му это делает? Таких людей, как Танси Юйфэн, не переубедить словами. У них своя логика, они живут в собственном вымышленном мире. Даже если ты вложишь ему в голову всю правду о прошлом, он не признает ошибок. Ведь в той жизни он делал каждый выбор сам».

Впрочем, Старший промолчал. Это была личная месть юноши, и только ему решать, как её свершить.

Яростная боль утихла лишь спустя долгое время. Танси Юйфэн лежал, обессиленный, не в состоянии пошевелить даже пальцем. Он хрипло прошептал:

— Что... что ты со мной сделал? Эти видения в моей голове...

— Всё это — правда.

Танси Юйфэн застыл в оцепенении:

— Ты хочешь сказать... что ты вернулся из прошлого в настоящее?

В мире заклинателей существовало множество запретных техник, поэтому понять концепцию возвращения во времени для него не составило труда.

Он не понимал другого:

— Раз уж небо даровало тебе шанс начать всё заново... раз ты знаешь, что совершил много зла, почему ты не извлек урок? Почему не встал на путь исправления? И если ты знаешь, что Шицзунь — твой отец, ты должен понимать, зачем мы здесь! Почему ты не только не помогаешь, но и ведешь себя как последний зверь...

Вжих!

Линь Му резким движением вырвал меч из его плеча. Не давая Юйфэну опомниться, он больно схватил его за подбородок.

Заклинатель в ужасе расширил глаза, наблюдая, как острое меча скользнуло ему в рот и коротким движением провернулось внутри.

Окровавленный кусок плоти отлетел в сторону.

Танси Юйфэн замер, и лишь спустя несколько секунд осознал случившееся. Его горло исторгло душераздирающий крик — хриплый, надрывный, едва ли похожий на человеческий.

Линь Му мягко произнес:

— Я ведь просил тебя помолчать, шисюн.

Но тот уже не слышал его. Тяжелые раны и отрезанный язык окончательно лишили его рассудка; обливаясь холодным потом, он в конвульсиях катался по земле.

Линь Му смотрел на него сверху вниз.

— Тсс, тише. Послушай меня.

Движения Юйфэна постепенно замедлились, но тело продолжало биться в мелкой дрожи. Он внезапно осознал, что перед ним не тихий младший брат, а тот самый Мо Сюнь из прошлой жизни — тот, кто убивал всякого, кто вставал у него на пути.

У заклинателя не осталось ни одного места на теле, которое бы не ныло от боли, но сильнее всего горело пробитое плечо. Ему казалось, что какая-то темная, ледяная сила непрерывно сочится из раны внутрь, пропитывая саму душу холодом.

— На самом деле, шисюн, ты всё неправильно понял.

Рот мужчины был полон крови, и он меньше всего хотел сейчас думать о заблуждениях. Единственным его желанием было оказаться как можно дальше от Линь Му.

— У меня нет никаких претензий к тому, что ты защищал Мо Чжияня. Вы друзья детства. Разумеется, ты имеешь право оберегать его.

— Я лишь не понимаю одного: как ты умудрялся твердить о своей «любви» ко мне и в то же время требовать, чтобы я постоянно уступал Мо Чжияню? Почему ты раз за разом решал, будто я нападаю на него только из зависти к твоему отношению? Почему в каждом конфликте ты неизменно принимал его сторону?

Линь Му искренне недоумевал. Его черно-красные глаза моргнули, в них читалось подлинное замешательство:

— Кто вообще дал тебе право ставить меня и Мо Чжияня на одну чашу весов и со всем высокомерием делать выбор за нас? Откуда в тебе эта уверенность, будто я могу завидовать таким мелочам?

— И кто позволил тебе решать за меня мою судьбу?

Линь Му покачал головой:

— Честно говоря, я могу понять Мо Чжияня. Но тебя... тебя я понять не в силах. Ты просто обожаешь придумывать себе роли в чужих жизнях.

Слово «драматизировать» он когда-то услышал от Мо Чжияня. Стоило ему тогда его услышать, как первым на ум пришел Танси Юйфэн. Это выражение подходило заклинателю идеально.

Лицо Юйфэна стало багрово-синим, точно ему только что отвесили пару звонких пощечин. Ему хотелось провалиться сквозь землю от этого невыносимого унижения.

Улыбка Линь Му снова стала мягкой.

— Разумеется, раз я отверг твои ухаживания, я не вправе требовать, чтобы ты принимал мою сторону.

— Что до моего отца... Тебе не стоит так волноваться. Как я могу бросить собственного отца в беде? Ему нужно сердце, верно? И я как раз приготовил для него подходящее подношение.

Танси Юйфэн смертельно побледнел. Он больше не обманывался мнимой добротой Мо Сюня.

— В этом мире не так много способов исцелить сердце, и самый надежный из них — пересадка, — продолжал Линь Му. — Например, «Семигранное искусное сердце» Мо Чжияня подойдет кому угодно.

— Но у него всего одно сердце. Если его вырезать, он не выживет. Я полагаю, Чжиянь не захочет отдавать свою жизнь за жизнь Мо Тяньюня... Разве что он заранее найдет себе замену.

От вкрадчивого голоса юноши по спине Юйфэна пробежал холодок.

— Например, твоё «Глазурное сердце», шисюн.

Зрачки Танси Юйфэна резко сузились. Невозможно!

— Твоё сердце нельзя отдать Мо Тянье напрямую. Но если вымочить «Глазурное сердце» в соке «Зеленого лотоса девяти небес» в течение сорока девяти дней, то Мо Чжиянь сможет выжить с твоим сердцем вместо своего.

Линь Му убрал выбившуюся прядь за ухо, открывая взору свои демонические глаза. В них

светилось пугающее возбуждение.

Он рассмеялся, глядя на поверженного врага:

— Шисюн, ты ведь так любишь принимать решения за меня. На этот раз я приму решение за тебя, идет?

Линь Му улыбнулся и погрузил руку в нижнюю часть живота Танси Юйфэна.

Под полным ужаса взглядом заклинателя он одним движением раздавил его Зарождающуюся душу.

Истощенный дух Юйфэна не выдержал такого удара. Боль от разрушения основы во много раз превзошла все его прежние мучения; казалось, все меридианы в теле были вырваны с корнем.

Без рук, без языка, а теперь и без Зарождающейся души... он превратился в никчемного калеку.

— Я решил, что подарю твоё сердце Мо Чжияню.

Танси Юйфэн был на грани безумия. Линь Му же в это время весело подмигнул ему, словно рассказывал забавную шутку.

На глазах у заклинателя Линь Му достал из его рукава пространственное хранилище и начал не спеша сметать в него все сокровища и духовные камни из пещеры. Даже этот артефакт Танси Юйфэна оказался высокого, земного ранга.

Внезапно издалека донеслись звуки неровных шагов.

Здесь не могло быть четвертого человека.

Линь Му перевел взгляд на единственный вход и предвкушающе улыбнулся:

— Шисюн, не хочешь заключить пари?

— Давай поспорим... Когда ты в таком виде предстанешь перед Мо Чжиянем, бросится ли он тебя спасать? Или же он вырвет твоё сердце, чтобы выслужиться перед Мо Чанъюнем?